

Поэтическая седмица

Игорь Тюленев

Дорогой Игорь Николаевич!

Сердечно поздравляем с 70-летним юбилеем!

От всей души желаем творческих успехов, каскада идей и их воплощения, любви читателей и самых близких людей, радости, света и добра!

Александр Орлов:

БЫТЬ В ДОМЕ СВОЁМ...

В стихах Игоря Тюленева всегда ощущается широта и глубина русского народа, от которого поэт неотделим. Он обладает редким качеством – быть услышанным и понятым любым читателем. Его всегда можно представить на поле брани в кольчуге, шлеме, с карающей врагов палицей, не боящегося в одиночку выступить против надвигающегося полчища. Но при этой нескрываемой воинственности ощущение сердечности никогда не оставляет во время чтения его стихов.словно из строк перед нами вырастает один из трёх васнецовских богатырей, сильный и добрый, для которого слово и вера являются главным оружием.

В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ

В родительском доме
Не жить мне и дня,
В родительском доме –
Чужая родня,
Чужие портреты
Висят на стене,
Чужие заветы
Бормочут во сне.
Чужие с чужими
Твердят о чужом,
И страшно мне с ними
Быть в доме своём.

СЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В тиши лесных библиотек
Разгадывал я тайну жизни,
Десятилетний человек
Во глубине родной Отчизны.

Здесь, у начала всех начал,
Где хмурился пейзаж неброский,
Меня любовью насыщал
И Радонежский и Саровский.

Как в Слове помыслы чисты,
Как аккуратно пыль сдуваешь...
Шуршат страницы, как листы
В раю... Вот-вот про всё узнаешь.

ФОТОГРАФИЯ

Лесной посёлок. В окнах Кама.
И у завалинки втроём –
Отец с сестрёнкой, рядом мама,
А я сбежал за окоём.

Вернуться в круг былой стараюсь,
Скользя по жизненному льду...
И всё же, сколько не пытаюсь,
В тот объектив не попаду.

ВЕРА

Я был в деревне летом пастухом,
Ременный кнут стрелял, как парабеллум,
Козлёнок прыгал вслед за мотыльком,
Луг наполняя бляеньем и белым

Горячим пухом... Снег и монастырь.
И козий сыр, из погребца настойка...
Овчинами завешана Сибирь,
В овчине тонет голосок ребёнка.

Но помнит мир, как много лет назад
Толпились пастухи перед пещерой.
Звезда сияла, и младенца взгляд
Жизнь наполнял Надеждою и Верой.

* * *

Носились чайки над лицом
И что-то женское кричали,
На берегу земной печали
Я был наедине с Творцом.

Я видел: Он сиял, как свет,
На гребне моря поднимаясь,
И я за Ним летел вослед,
Ключей тверди не касаясь.

Пусть говорят, что это бред,
Что человек слабей букашки,
Но я-то видел Божий след,
Как кровь на собственной рубашке.

* * *

Дочка дом нарисовала
В синих небесах.
Там собака из крахмала
Спит на воздушных.

В доме мы с женой и фото
Мамы на стене,
Жалится, как пчёлы в сотах,
Солнышко в окне.

День и ночь роятся стогны
Около крыльца.
Вот Господь прошёл... На стёклах
Звёздная пыльца.

Точка, точка, две чёрточки,
Чёрный карандаш...
Это дочка, это дочка
Воскрешает нас!

ИИСУС МЛАДЕНЕЦ

Хоть нимб сиял короной золотой,
Младенец рос среди живых живой,
Но помнил про языческий Египет,
Про Ирода, что обагрив свой скипетр,
Смотрел глазами отрока в костёр,
Взыскуя сердцем
Мировой простор.
Всё видел, что Господь наговорил

Евангелистам. Не жалея сил
И сердца с разумом, они душой списали
Чего ни до, ни после не узнали.
Царапал небо веткой кипарис,
Дождь сквозь царапины
С небес струился вниз.
Вот в гроб сошёл упрямый Симеон,
Сказав: «Спаситель мира – это Он!»
И указал Марии на Младенца,
И вмиг угас, схватясь рукой за сердце.
Уже оттуда высек искру рот:
– Ты ныне отпущаеши,
Господь...
Уже кусал Иуда серебро,
Копьём кололся стражник под ребро,
Толпа, закончив петь Христу Осанну,
Уже кричит: «Распни! Но не Варраву!»
Как будто яд змеинный на устах,
Блестит отравы
В нынешних умах.
Младенец знал про Еву и про гада,
О бдении ночном в объятьях сада,
Где, прячась от грядущего конца,
О чаше слёзно Сын молил Отца.
Вселенная мерцала над долиной,
Ему – конечной,
Нам – необозримой.
Святой мы крестим отроков водой
В купели, православной и большой,
Купели нашей Родине хватает,
И в ней святой воды не убывает.
Бог укрепил в нас линию родства,
Рассеяв тьму
Звездой Рождества.

* * *

Мир не узнал Того,
Кто был распят...
Хоть рук своих не обагрив Пилат,
Но укусом Христу обжжёт уста.
Мир в Иисусе не узнал Христа!
Один, как перст,
Водвинут в Мир Отцом.
Один как перст, с простым земным лицом.
Не узнанный толпой среди толпы.
Царя не узнают его рабы.
Взошёл на Гору,
Превращаясь в свет,
В лучах Отца свой растворяя след,
Притягивая души, как магнит...
Мир проглядел ...
Почто сейчас скорбит?

С гор Уральских смотрю на Восток,
Сквозь ветра, сквозь снега, сквозь песок.
Я согнут, как гребец на галере.
Каждый год всходит в небе звезда,
Вифлеем выбирает она.
Путь звезды и волхвов соизмерен.

Нынче праздник, а Ирод потом
Крысоловом войдёт в каждый дом,
Заберёт у рожениц младенцев...
Но покуда очаг златоткан,
А вертеп превращается в храм.
И волхвы, и дары уже в сенцах.

Что страшиться? Ведь с нами Господь!
Он с Христом, как с зарёй небосвод –
Расступаются земли и воды
Перед чистым сияньем небес.
И Урал, как большой волнорез,
Рассекает стада и народы.

ПЕРМСКИЕ БОГИ

Голодный огонь христианства
Пожрал деревянных богов.

Ю. Кузнецов

Сошлись деревянные боги
В музее. И встали кружком.
Пришли они с Камы и Волги,
Пришли, как пехота, пешком.
Рубежная Русь замутила
Уральским туземцам глаза.
Ковшом солеварниц смочила
Калёные стрелы слеза.
Не ждут деревянные боги,
Что им, как в лесах Перуну,
Притащат лосиные ноги
И кровью измажут губу.
Хотя угро-финские лица
Подправил крестьянский топор.
Хотелось к Руси прислониться,
Крестом раздвигая простор.

Пока деревянные боги
Дремали, храпя за версту...
Гвоздём деревянные ноги
И руки прибили к кресту.
Сошлись они в пермском музее
И впредь никуда не идут.
Ручьями текут ротозеи
И пальцы под гвозди суют.

«Голодный огонь христианства
Пожрал деревянных богов»...
А мы возвратили гражданство!
Вернули из праха веков!
Пусть благодарные дети
В музейный торопятся храм.
Отводят грядущие беды,
Припав к деревянным стопам.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Земель этих горестный житель,
В объятия ночи и дня.
– Неси меня, Ангел-Хранитель,
Неси меня из огня!

Минуя житейские бури
И мнимого рая сады,
Туда, где в небесной лазури,
Качаются Божьи следы.

Где в Крестное Знамя закован,
Распятый лучами креста.
Ты верой отцов очарован,
Не видишь, но слышишь Христа.

ЦАРСКИЕ ВРАТА

От Царских Врат по праву руку
Святая Троица парит
И всю твою печаль и муку
В небесный замыкает скит.

И облака девятым валом
В Господних плещутся глазах,
И ты, невидимый, как атом,
И ты сквозишь в Его глазах...

ЦЕРКВУШКА

Стоит церквушка на угоре,
Вокруг древесные кресты.
Сегодня Дух Святой в дозоре,
На купол смотрит с высоты.

Там сфокусирован небесный
Переходящий в слово свет.
С похмелья и душой кромешной,
У входа молится поэт.

Опять он портит всем погоду,
Не входит в Божий храм, чудак.
Он хочет подпевать народу,
Да не научится никак.